

Возможно, ей просто хотелось навсегда оборвать все связи между ними, и пусть даже ценой столь жестоких мер, она всё равно не могла вынести существования этой девушки. Не могла смириться с тем, что этот послушный во всём инструмент, эта игрушка в её руках, в душе своей постоянно хранит образ кого-то другого.

Будь то жажда контроля или стремление покорить, присутствие той девушки не позволяло ей обрести покой. Но и убить её было нельзя, как нельзя и позволить кому-то вызволить её отсюда...

Хэ Янься видела лишь один этот способ заявить свои права на ту женщину, заставить её уяснить, что она принадлежит исключительно ей и больше не имеет никаких прав.

И пусть в сердце бурлило бесконечное смятение, она всё равно поддалась какому-то необъяснимому побуждению и поступила именно так.

Капризная, как ребёнок, и при этом до ужаса жестокая.

Впервые она утратила рассудок из-за какого-то дела, впервые сошла с привычного пути. Бушующее в груди желание мешало ей разобраться в собственных чувствах: чего же она хочет на самом деле? Добиться её или же уничтожить без следа?

На лице той женщины не осталось и следа прежней жизни. Словно безвольная марионетка, она с пустым взором опустила голову, так, будто всё происходящее в этом мире больше не имело к ней никакого отношения.

Хэ Янься думала, что пленница, как и в самом начале, одарит её взглядом, полным гнева и ненависти, и в её глазах будет ясно читаться желание изрезать её на тысячу кусков — такая гордая, такая упрямая.

Но хотя именно она уничтожила самое дорогое, что было у этой женщины, та не выказала ни гнева, ни ненависти. Её сердце превратилось в стоячую воду, в которой больше не поднималось ни единой ряби.

Она предпочла бы видеть её открытую ненависть и отвращение, она жаждала вновь разглядеть огонь в её глазах, но теперь собственными руками потушила даже последнюю искру.

Неужели на этот раз она действительно совершила ошибку?

Му Цзышань уже много дней ничего не ела. Если еду пытались влить силой, её тут же вытошнило бы всю, а к воде она не притрагивалась и вовсе — не удавалось смочить даже губы.

После нескольких дней таких мучений Му Цзышань до того ослабла и исхудала, что теперь едва живая лежала на кровати, утратив всякие признаки жизни, словно полумертвая.

Хэ Янься знала, что своими действиями в тот день лишила Му Цзышань воли к жизни, из-за чего та и решила умереть. Сейчас пленница была совершенно беспомощной, её внутреннюю энергию полностью рассеяли, а саму её круглые сутки приковывали цепями к постели, словно преступницу, лишив даже возможности покончить с собой. Именно поэтому ей оставалось лишь морить себя голодом, чтобы добиться своего. Подумать только: некогда блистательная женщина-мечник ныне скатилась до столь жалкого состояния — это действительно вызывало жалость и горечь.

В сердце Хэ Янься тоже зародилось раскаяние, вот только признать собственную ошибку она не желала. Однако, наблюдая, как из этой женщины утекает жизнь, она ощущала в груди такую тяжесть, будто её сердце сжимало чьей-то мертвой хваткой.

Хэ Янься не хотела, чтобы та вот так умерла. Пусть даже придётся силой удерживать её рядом — это всё равно лучше, чем смотреть, как она исчезает у неё на глазах.

В конце концов, в нынешнем состоянии пленницы была виновата лишь её собственная вспыльчивость. Если бы она с самого начала не изошрялась в попытках сломить эту женщину, та никогда бы не впала в оцепенение и не погрузилась в душевную мертвенность. А если бы она убила её сразу, то, пожалуй, не стала бы так изводиться из-за какого-то человека, не зная покоя и терзаясь тревогами.

Раз уж она сама посеяла эти злые семена, расхлебывать всё придется тоже ей.

Взяв пиалу со сварившимся на слабом огне женьшеневым отваром, Хэ Янься села рядом с Му Цзышань и попыталась накормить её с ложечки. Та, несмотря на крайнюю слабость, наотрез отказывалась разжимать зубы. Когда же Хэ Янься попыталась разжать ей челюсти и влить лекарство силой, Му Цзышань тут же выплеснула всё обратно. В конце концов Хэ Янься набрала полный рот отвара и, прикоснувшись к её губам, языком протолкнула жидкость внутрь, после чего зажала ей горло, заставляя проглотить. Но едва её губы отстранились, Му Цзышань затошнило. Её и без того слабое тело заходило в судорогах от позывов к рвоте, и вскоре роскошное ложе Хэ Янься, застеленное лучшим шелком, было испорчено.

Зная, что рвота вредит здоровью, и опасаясь, что истощенное тело пленницы не выдержит подобных истязаний, Хэ Янься пришлось отложить пиалу и велеть слугам навести порядок. Дождавшись, пока постельное белье заменят на свежее, она снова уложила Му Цзышань.

— И чего ты добиваешься, упрямясь мне наперекор? — глядя на Му Цзышань, Хэ Янься чувствовала бессилие, но не знала, как поступить.

В глазах женщины не было ни искры жизни, и Хэ Янься понимала: та вовсе не борется с ней, а лишь отчаянно ищет смерти, не желая больше влачить жалкое существование.

— Больше я не стану тебя мучить... — Рука Хэ Янься легла на лоб Му Цзышань. В тусклом взгляде пленницы прикосновение чужой кожи всё же вызвало едва заметную тень отвращения, и Хэ Янься замерла на полпути. Медленно подняв руку, она словно с неохотой добавила:

— И больше не прикаснись к тебе без твоего желания...

В её душе бурлило бесчисленное множество мыслей, сплетенных в тугой клубок.

Где бы ни появлялась Хэ Янься в мире цзянху, от одного её имени у людей кровь стыла в жилах. Во Дворце Цюньин стоило ей лишь слегка шевельнуть пальцем или топнуть ногой, как все вокруг трепетали от страха. Разве доводилось ей когда-нибудь унижаться перед кем-то?

Но стоило ей столкнуться с этой женщиной, как все запреты рухнули. То, чего она никогда прежде не делала, теперь было проделано от начала и до конца. Потеря рассудка, те нелепые поступки, бесконечные терзания и тревоги — с появлением этой женщины в её жизни всё пошло прахом, всё покатилося по наклонной туда, где она уже не могла ничего контролировать.

И тем не менее она, словно лишенная воли, неотвратимо шагала вперёд — туда, где даже конца пути не было видно.

— Извини... за то, что превратила тебя в это. — Голос Хэ Янься звучал глухо. В нём больше не слышалось привычных насмешек и издевки — лишь редкая искренность.

Хотя сознание Му Цзышань было затуманено, она расслышала каждое слово. Выражение лица стоявшей рядом женщины было суровым, брови нахмурены, а в голосе не чувствовалось фальши.

Однако Му Цзышань пропустила эти слова мимо ушей, лишь горько усмехнувшись про себя.

Она — гэчжу Демонической секты, а сама она — пленница, с которой та играла, как кошка с мышкой. Гэчжу находит удовольствие в истязаниях, превратила её в калеку, растоптала её гордость и уничтожила всё, что было ей дорого...

И теперь эта женщина говорит ей прости?

Непонятно, какую очередную игру затеяла эта девчонка, но Му Цзышань больше не желала подыгрывать.

Её тело, её непокорная гордость и даже те чувства, которые она годами прятала в самом сокровениом уголке сердца, не смея взглянуть им в лицо, — перед этой женщиной всё это было лишь забавными игрушками, призванными лишь на время позабавить её. Сама же она, из всех сил цеплявшаяся за жизнь до этого момента, проиграла подчистую, не оставив себе ничего.

Это состязание она проиграла — проиграла с позором, ослепительно и жутко.

Жить дальше не имело никакого смысла, так не проще ли покончить со всем разом, обретя легкую и свободную смерть?

Заметив, что Му Цзышань, судя по всему, услышала её слова, но в глазах по-прежнему плещется безразличие, а взгляд остался тусклым, Хэ Янься поняла: все её речи не возымели ни малейшего действия.

Глядя на лежащую перед ней женщину с пустыми глазами, Хэ Янься испытывала бурю противоречивых чувств, но поделать ничего не могла.

Простояв у кровати добрую половину дня, она в конце концов лишь поправила одеяло Му Цзышань и молча вышла из комнаты.

Хотя в последние дни Хэ Янься уже не была столь своенравной и переменчивой в настроении, все в секте видели, что гэчжу не в духе, а потому никто не смел лишний раз попадаться ей на глаза и заводить разговор.

Зато Маруппа, проведя несколько дней в тени, вновь неожиданно объявилась перед Хэ Янься.

Заметив, что та в одиночестве сидит у пруда и кормит рыб, с мрачным, словно грозовая туча, лицом, а слуги жмутся где-то далеко на задворках, опасаясь, как бы на них в любой момент не обрушился гнев госпожи, Маруппа подошла ближе.

Махнув рукой, она отослала служанок, следовавших за гэчжу, и остановилась рядом с Хэ Янься.

Та не обернулась — по ритму и тяжести шагов она сразу узнала, кто подошел. С легким, полным недовольства смешком она произнесла:

— Маруппа, каждый раз при виде меня вы забываете о должных правилах приличия.

— Быть может, в следующий раз старая служанка возместит всё сполна? — на лице Маруппы играла улыбка. Хэ Янься знала, что эти слова — лишь пустая отговорка, и махнула рукой, давая понять, что развивать тему не нужно.

— Последние дни до стариковских ушей доходили слухи, будто та женщина, которую гэчжу схватила в прошлый раз, уже много дней отказывается от еды и решила умереть... — Маруппа попыталась зайти изда́лка, и предсказуемо заметила, как тучи на лице Хэ Янься сгустились еще сильнее.

Кое-какие подробности всей этой истории Маруппа знала. Согласно рассказу подчиненных Хэ Янься, в тот день гэчжу вывела Лян Цзиньюэ из комнаты под арестом, запечатала ей точки и оставила в покоях, где держали Му Цзышань. Что именно произошло после этого, никто из

рядовых членов секты не знал — им было известно лишь то, что с той поры Му Цзышань перестала принимать пищу, словно всю волю к жизни у неё отобрали, и превратилась в безмолвную куклу, растерявшую весь свой прежний пыл.

— Жива она или нет — мне уже не под силу сдержать её, пусть делает что хочет... — затуманенным взглядом глядя на барахтающихся в пруду карпов кои, боровшихся за корм, проговорила Хэ Янься, но в её голосе звучало слишком много горечи и досады.

Маруппа знала Хэ Янься с малых лет и, конечно же, понимала её лучше остальных. Хотя в мире цзянху та и слыла грозной женщиной-демоном, в душе в ней всё ещё жила детская непосредственность: то, чего ей хотелось сильнее всего на свете, она вслух презирала, а к тому, что действительно имело для неё значение, никогда не умела относиться просто. В этом отношении они были до странного похожи в молодости.

— Право слово, я никак не ожидала, что она поведет себя так. Я-то думала...

Маруппа умолкла на полуслове. Хэ Янься нахмурилась, а её лицо заволочла непроницаемая туча. Старуха думала, что собеседница вновь погрузится в молчание, но та спустя мгновение заговорила сама, словно рассуждая вслух.

Основываясь на знании характера Хэ Янься и собственных догадках, Маруппа догадывалась, что Му Цзышань стремится к смерти именно из-за какого-то поступка самой Хэ Янься. Вот только что именно произошло? Во всем Дворце Цюньин об этом, пожалуй, ведали лишь они двое.

Единственное, в чём не было сомнений — Хэ Янься вовсе не желала гибели той женщины и, казалось, дорожила ею куда сильнее, чем хотела показать, упорно отказываясь признать в этом даже самой себе.

Вспомнив непростой нрав Хэ Янься, Маруппа невольно вздохнула. Услышав этот вздох, Хэ Янься обернулась и перехватила её взгляд, но старуха лишь вновь мягко улыбнулась ей.

Не став ломать голову над этим, Хэ Янься отвернулась и продолжила бросать корм рыбам.

— Гэчжу, зачем же вы так терзаете себя... — словно легкий вздох, прозвучал за спиной голос Маруппы. Хэ Янься ничего не ответила, да и не поняла, что именно старуха имела в виду под словом «так». Быть может, её собственное настроение поддалось влиянию Му Цзышань, скатившись в апатию и хандру — в последние дни ей совсем не хотелось ни с кем разговаривать.

И в самом деле: ради чего она взвалила на себя эту неблагодарную игрушку? Она ведь собиралась лишь немного позабавиться за её счёт, но никак не ожидала, что станет рабой чужих перепадов настроения и потеряет покой из-за какого-то человека.

Хэ Янься лишь легко усмехнулась, оставив слова без ответа. Возможно, она и сама не знала, что на них ответить.

— Тот, кто берет в долг, в конце концов обязан его вернуть. — Голос Маруппы звучал тихо, но заставил руку Хэ Янься замереть. Зажатый в пальцах корм застыл на полпути в воздухе, и лишь спустя несколько мгновений она разжала лапы, сбросив крошки в воду, где тут же забурлил новый косяк рыб.

— К концу пути это принесет лишь боль обоим, пустая трата сил. — Речи Маруппы вечно казались странными и туманными, будто они намекали на что-то сокрытое.

Хэ Янься не стала расспрашивать. Она просто продолжила кормить рыб у пруда, хотя буря чувств в её глазах стала лишь гуще и запутаннее.

Прикованная цепями к постели Му Цзышань исхудала настолько, что на её теле не осталось ни единой унции плоти, а взгляд сделался еще более туманным и пустым.

Хэ Янься с тех пор заходила к ней ежедневно: кормила, вела какие-то бессмысленные разговоры, но Му Цзышань по-прежнему стояла на своем, упорно продолжая морить себя голодом.

Не находя иного выхода и в то же время не желая сдаваться, Хэ Янься думала: пусть так, пусть она окончательно проиграла этой женщине — она и помыслить не могла, что однажды потеряет над собой контроль.

Что ж, пусть будет по-её. В конце концов, это был единственный способ, который стоило испытать прямо сейчас.

— Если я отпущу твою младшую соученицу, а ты обещаешь во всём слушаться меня, ты согласишься? — Хэ Янься присела рядом с Му Цзышань и, помня о данном обещании не прикасаться к ней больше, намеренно отодвинулась чуть подальше.

Прежде Му Цзышань была абсолютно равнодушна к любым словам гэчжу, но эта фраза заставила её встрепенуться.

В пустых глазах наконец забрезжил проблеск осознанности. Ослабевший взгляд медленно переместился в сторону Хэ Янься и зафиксировался на её лице — в выражении гэчжу читалась неподдельная серьезность, это не было пустой ложью.

Многодневные попытки наконец принесли плоды, и сердце Хэ Янься дрогнуло. Однако, если бы в её словах не прозвучало упоминание младшей соученицы, пленница едва ли стала бы слушать, и от этой мысли на душе вновь стало гадко и сложно.

Впрочем, Хэ Янься оставалась Хэ Янься: какими бы ни были её внутренние бури, она всегда умела сохранять лицо.

— Давай заключим сделку: ты соглашаешься, а я отпускаю твою соученицу. — Му Цзышань долго всматривалась ей в глаза, словно обдумывая что-то, и Хэ Янься, догадавшись о ходе её мыслей, добавила:

— Я знаю о вашем договоре с сектой: стоит вам пропустить срок, как ваши наставники поймут, что вы попали в беду.

— На этот раз ваше наставничество отправило людей на ваши поиски, и среди них — твой соученик Чу Линсун.

При этих словах зрачки Му Цзышань мгновенно сузились. Внезапный шок прояснил её затуманенный разум: пусть тело оставалось слабым, рассудок еще не угас окончательно. Она прекрасно понимала, что значат слова Хэ Янься. Если их след уже раскрыт, то, учитывая нрав гэчжу, эти люди вряд ли смогут избежать гибели.

Му Цзышань сжала зубы и глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки. Она и так испытывала жгучее чувство вины из-за того, что из-за неё пострадали соученицы, а теперь еще и эти... Если из-за них схватят и остальных...

Она смотрела на Хэ Янься, не в силах вымолвить ни слова.

Словно угадав её мысли, Хэ Янься легко улыбнулась. На смену привычной насмешливости пришло неожиданное мягкое выражение.

— Не бойся, я их не убила. Более того, они даже не подозревают, что мне известно об их присутствии...

Му Цзышань глядела на неё, терзаемая сотнями сомнений: что на этот раз задумала эта женщина-демон? Тем временем та подняла с прикроватного столика пиалу с супом, слегка подула на поверхность и зачерпнула ложку отвара, протягивая его к губам пленницы.

— Сначала допей эту ложку, а потом я продолжу. — В мягком голосе отчетливо слышалась непреклонная властность.

Му Цзышань долго смотрела на неё, затем перевела взгляд на ложку с женьшеневым супом. Поколебавшись пару раз, она наконец приоткрыла рот, позволяя Хэ Янься влить отвар, после чего та зачерпнула новую ложку.

Сделав пару дуновений, Хэ Янься снова поднесла её к губам Му Цзышань и, дождавшись, пока та с явной неохотой проглотит лекарство, продолжила:

— Я с самого начала знала, что они попытаются вас спасти, и всё это время вела поиски. Вот только во Дворце Цюньин охрана поставлена на совесть, так что прорваться внутрь им не удавалось...

— Я просто не обращала на них внимания, позволяя им околачиваться неподалеку.

— Я не стала их убивать, но это не значит, что я не могу этого сделать.

Угрюмая холодность вновь промелькнула в уголке губ Хэ Янься. Услышав это, Му Цзышань напряглась всем телом, и в её глазах вновь вспыхнула яростная, испепеляющая ненависть.

Именно такой взгляд ей и был нужен.

Ненавидь меня, презирай, желай искромсать на куски — всё что угодно. Только так и должен смотреть живой человек. Этот пустой, потухший взгляд слишком не шел к твоему гордому лицу.

И всё же на душе скребли кошки — она никак не ожидала, что заставить Му Цзышань жить удастся лишь таким способом.

Похоже, эта женщина действительно будет ненавидеть её до конца дней.

— Чего... чего ты добиваешься? — выдохнула ослабшим голосом Му Цзышань, однако тон её оставался твердым.

— Лишь заключи со мной сделку, и я отпущу твою соученицу, а заодно и всех остальных сородичей по школе, пришедших вас выручать.

В глазах Хэ Янься читалась полная серьезность. Му Цзышань долго вглядывалась в них, прежде чем крепко сжатые челюсти наконец разомкнулись.

Она прекрасно знала боевые навыки тех соучеников. Если Хэ Янься действительно отправит по их душу лучших мастеров Дворца Цюньин, тем не выстоять ни за что, и тогда на её совести окажутся новые жертвы.

— Каковы твои условия? — после долгих внутренних терзаний Му Цзышань перевела взгляд на Хэ Янься.

— Стань моей служанкой и отныне беспрекословно подчиняйся моим приказам, — произнесла Хэ Янься, зачерпывая очередную ложку отвара и не дожидаясь ответа, вливая её в приоткрытый рот пленницы.

Проглотив лекарство, Му Цзышань пришла в себя и окинула Хэ Янься сложным, переменчивым взглядом.

В её глазах отражалось множество чувств: ненависть, отвращение, недоумение и даже страх.

Заметив смятение в её душе, Хэ Янься добавила:

— Не бойся. Я уже говорила, что не трону тебя насильно, и принуждать к подобному не стану.

— Перехватив недоверчивый взгляд Му Цзышань, она поспешно уточнила:

— И к тому, что противоречит твоим принципам, принуждать тоже не буду.

— Но во всём остальном ты обязана повиноваться моим приказам.

Му Цзышань молчала очень долго, пытаясь разглядеть в глазах соперницы, сколько в её словах правды, а сколько лжи, словно взвешивая вопрос жизни и смерти.

— Дай слово, и я отпущу твою сестру и остальных братьев по школе. — В голосе Хэ Янься звучало спокойствие, но во взгляде угадывалось нетерпеливое, почти отчаянное желание — такого не увидишь у того, кто лжет.

— Хорошо, я согласна.

Му Цзышань опустила голову. В её потухшем взгляде мелькнула тень безысходности, сменившаяся горькой, издевательской усмешкой — то ли над нелепым требованием Хэ Янься, то ли над собственной ничтожной и жалкой жизнью.

— А теперь допивай этот суп до конца, не оставляй ни капли. — Ополоснув пустую ложку, Хэ Янься подула на отвар в пиале и протянула её Му Цзышань. Та было дернулась взять её сама, но Хэ Янься мягко отстранила её руку — видимо, опасаясь, что из-за слабости та выронит посуду. В итоге пиалу так и держала она сама, понемногу вливая суп в рот Му Цзышань.

Покончив с этим, Му Цзышань снова подняла голову, некоторое время разглядывала Хэ Янься, словно взвешивая нечто важное, а затем, собравшись с духом, произнесла:

— Но у меня есть еще одно условие.

— Какое условие? Говори.

Хэ Янься опустила пустую пиалу на поднос, похоже, совершенно не заботясь о том, что именно собирается потребовать пленница.

На дне глаз Му Цзышань мелькнула острая боль, словно предстоящее решение давалось ей ценой невыносимых мук. Побледневшие губы несколько раз беззвучно шевельнулись, прежде чем из них вырвался звук.

<http://bllate.org/book/20982/2130318>